



Т. И. ГРЕКОВА

Верил ли И. П. Павлов в Бога?

Легенды возникают вокруг выдающихся людей еще при жизни. Со временем они обрастают далеко не всегда достоверными воспоминаниями очевидцев и воспринимаются потомками как документально подтвержденные факты. Сказанное в полной мере относится к легенде о религиозности Ивана Петровича Павлова, согласно которой ученый не просто верил в Бога, но и являлся церковным старостой.

В чем причина ее необычайной живучести? Только ли в том, что в памяти ленинградцев сохранились страстные выступления ученого против закрытия церквей и преследования людей за религиозные убеждения? Или немалую роль сыграли публикации, в которых атеизм Павлова декларировался чересчур упрощенно и навязчиво, имелись явные натяжки, передержки и даже противоречия? Чтобы не быть голословной, приведу примеры.

Невестка знаменитого физиолога после его смерти утверждала, что зашла как-то в Знаменскую церковь и увидела «двойника Ивана Петровича, спускавшегося с большой церковной книгой с клироса. Сходство было поразительным, тем более что и седая борода этого человека была подстрижена точно так, как у Ивана Петровича. Тогда я поняла откуда пошла легенда (о его религиозности. — *Т. Г.*)» [1]. Существовал ли в действительности двойник Павлова или этот рассказ всего лишь неуклюжая попытка «спасти» его официальную репутацию, ответить со стопроцентной точностью трудно, особенно если вспомнить удивительный парад двойников, в котором участвовали Ленин, Сталин, Гитлер и другие знаменитости. Но есть в воспоминаниях Е. С. Павловой деталь, которая заставляет отнести к ним критически: по ее словам, Павлов *вообще* не посещал церковь. Если говорить именно о Знаменской церкви, возможно, но в целом это

не отвечает истине. Студенты ВМА даже интересовались у своего профессора, как он, проповедующий материалистический взгляд на мир, может стоять на пасху со свечкой в руках в академической церкви? Позднее, в 20-е и 30-е гг., на Рождество и Пасху Павлов ходил в колтушскую церковь Петра и Павла, что подтверждается множеством очевидцев.

Не стоит этому удивляться, а тем более отрицать. Он был сыном священника, учился в духовной семинарии, и торжественные службы напоминали ему о самой счастливой для человека поре детства и юности. Об этом свидетельствует ученик Павлова академик Л. А. Орбели, ссылаясь на слова самого Ивана Петровича: «Знаете, я ужасно люблю службу пасхальную. Все-таки хожу иногда на заутреню. Во-первых, замечательное пение, во-вторых, это воспоминание детства. Я живо вспоминаю, как в четверг на страстной неделе мать снаряжала меня и братьев в церковь, давала свечку с собой, говорила, что там во время церковной службы надо свечку зажечь, а потом нести ее домой, — и вот мы шли и боялись, как бы не потухла свечка. И эти воспоминания меня всегда так радуют, что я все-таки иногда под Рождество и на Пасху хожу в церковь» [2]. При советской власти посещение церкви служило и формой его протеста против гонения на религию.

К сожалению, бывали случаи искажения фактов в угоду примитивной схеме, по которой слово «Бог» не могло звучать из уст Павлова даже в переносном смысле. Бывший директор Дома-музея Павлова в Рязани Г. С. Линников пошел на прямую фальсификацию и «отредактировал» письма ученого. В одном случае, где Павлов писал: «...Бог знает, может в каком из наших молодых зародится и будущий желанный критик», — он заменил слово «Бог» на «кто знает». В другом письме, где у Павлова было: «С нею (т. е. абсолютной правдой. — Т. Г.) он — Бог вселенной. Без нее — невыразимая ничтожность», — Бога заменило много-точие [3].

В 50—70-х гг. борьба ученого за подлинную свободу совести была запретной темой и для печати, и для публичных выступлений. Ведь именно позиция гражданского мужества, активного неприятия любого насилия над убеждениями вызывала нападки официальных идеологов на академика при его жизни. После его смерти было сделано все возможное, чтобы эти страницы биографии ученого остались для потомков неизвестными. Но еще долгие годы из уст в уста передавались рассказы о том, как Павлов боролся против закрытия храмов, щедро жертвовал на нуж-

ды Петропавловской церкви в Колтушах, поддерживая миф о его религиозности.

Порой обрывочные, вырванные из контекста факты вводили в заблуждение и серьезных исследователей. Так, писатель М. Поповский в документальной повести о хирурге-архиепископе В. Ф. Войно-Ясенецком * открыл список верующих ученых-естествоиспытателей фамилией И. П. Павлова [5], основываясь, вероятно, на поздравительном письме героя своей книги знаменитому академику: «Возлюбленный во Христе брат мой и глубокоуважаемый collega! Изгнанный за Христа на край света (три месяца я прожил на 400 верст севернее Туруханска) и почти совсем оторванный от мира, я только что узнал о прошедшем чествовании Вас по поводу 75-летия Вашей славной жизни и о предстоящем 200-летию Академии наук. Прошу Вас принять и мое запоздалое приветствие. Славлю Бога, давшего Вам столь великую силу ума и благословившего труды Ваши. Низко кланяюсь Вам за великий труд Ваш, и кроме глубокого уважения моего примите любовь мою и благословение мое за благочестие Ваше, о котором до меня дошел слух от знающих Вас. Сожалею, что не может поспеть к академическому торжеству приветствие мое.

Благодать и милость Господа нашего Иисуса Христа да будет с Вами.

Смиранный Лука, Епископ Ташкентский и Туркестанский (б. профессор топографической анатомии и оперативной хирургии Ясенецкий-Войно).

г. Туруханск. 28.VIII 1925 г.»

Сам Войно-Ясенецкий принял монашеский постриг и стал священником, уже будучи известным хирургом, чтобы открыто заявить о «неприятии насилия» и выступать с проповедями в защиту «оскорбляемого Бога» [5]. Неудивительно, что протесты Павлова против гонений на религию он воспринял как сугубо христианскую позицию. Павлов в ответном письме тактично обошел вопрос о своем истинном отношении к религии:

* Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877—1961) принял монашеский постриг в 1920 г., уже будучи известным профессором, и с благословения патриарха Тихона хирургической деятельности не прекратил. В 1925 г. стал епископом и через две недели был арестован. В общей сложности провел в тюрьмах и ссылках 11 лет. В сан архиепископа возведен в 1945 г. В 1946 г. удостоен Сталинской премии 1-й степени за «Очерки гнойной хирургии», большую часть которой пожертвовал детям-сиротам, жертвам войны.

«Ваше преосвященство и дорогой товарищ! Глубоко тронут Вашим теплым приветом и приношу за него сердечную благодарность. В тяжелое время, полное неотступной скорби для думающих и чувствующих, чувствующих по-человечески, остается одна жизненная опора — исполнение по мере сил принятого на себя долга. Всею душой сочувствую Вам в Вашем мученичестве.

Искренне преданный Вам Иван Павлов».

Приведенные письма хранятся в павловском фонде Архива РАН, но москвич Поповский получил их от кого-то в копии (в листе использования данного архивного дела его фамилии нет). Поскольку сам он в архиве не работал, то другие документы, которые помогли бы глубже понять отношение Павлова к религии, остались ему неизвестны.

Со временем цензурные запреты постепенно слабели. Странями историков науки были обнародованы материалы, раскрывающие причины борьбы Павлова против насильственного внедрения атеизма, гонений на религию и служителей культа, разрушения храмов. Это касается прежде всего публикаций В. О. Самойлова и Ю. А. Виноградова, а также В. К. Болондинского [7—10]. Поскольку большинство из них приводится в данном издании, нет нужды повторяться. Казалось, правда должна восторжествовать. Но, видимо, значительная часть общества еще не созрела для того, чтобы принять ее во всей полноте. И в ряде публикаций однобокий, а потому ложный образ ученого-атеиста, характерный для 50—70-х гг., сменяется другим, столь же далеким от оригинала образом ученого-христианина.

Симптоматично, что именно журнал «Наука и религия», в недавнем прошлом официальный рупор атеизма, одним из первых резко изменил ориентиры и провозгласил верующими многих крупных ученых. Разумеется, прежде всего назван И. П. Павлов. Печальным примером безапелляционного утверждения, а главное, нежелания рассмотреть иную точку зрения может служить четвертый номер этого журнала за 1990 г., где о религиозности Павлова говорится дважды. В одном случае корреспондент, интервьюируя генерального секретаря Королевской Шведской академии наук, формулирует вопрос к ученому следующим образом: «В истории России тоже есть немало примеров, когда такие корифеи науки, как Павлов, Боткин, Сеченов верили в Бога. Но, как Вы считаете, помогает ли вера в научном поиске?» [11].

В другом случае в редакционной врезке к моей статье, посвященной удивительной судьбе однокашника Павлова профессо-

ра С. М. Лукьянова *, говорится: «Оглядываясь в прошлое, вспоминаются такие имена всемирно известных ученых, как Павлов, Менделеев, Боткин, которые были людьми верующими» [12]. Врезка в нарушение этических норм и авторского права была сделана без ведома автора. Тем не менее редакция журнала отвергла предложение опубликовать в порядке дискуссии статью, раскрывающую отношение Павлова к религии и Церкви, продемонстрировав тем самым, что конъюнктурные соображения для нее дороже поиска истины [13].

Облеченная в форму научной статьи легенда о религиозности Павлова появилась в преддверии его юбилея на страницах журнала «Вестник психотерапии» [14]. Автор статьи, доктор медицинских наук проф. Н. И. Моисеева, ничего не придумывает, опирается на публикации и архивные материалы, с которыми в отличие от М. Поповского знакомилась непосредственно в Архиве РАН, и на первый взгляд пытается отыскать истину. Однако уже со второй страницы в отборе и особенно в интерпретации материала ощущается некая заданность. Моисеева считает, что Павлов пришел к вере осознанно, пройдя путь сомнений и колебаний. Если невесте он писал: «...сам я в Бога не верую и никогда не молюсь, а твои известия об этих молитвах производят на меня какое-то особенно жуткое впечатление» [15], то позднее, когда Серафима Васильевна после периода метаний вернулась к вере, он радовался этому и говорил: «Давно, давно пора тебе вернуться на твою спокойную и твердо справедливую дорогу» [16]. Однако эволюция взглядов ученого заключалась не в том, что он стал верующим, а в том, что он начал осознавать адаптивную роль религии. Если для молодой курсистки Павлов не видел жизненной необходимости в молитвах, то для женщины, у которой первая беременность закончилась выкидышем, а первый ребенок умер в младенчестве и чье состояние внушало врачам серьезные опасения, обращение к религии он считал благотворным.

В то же время в научной жизни он по-прежнему не видел места для проявлений религиозности и бывало допускал бестактности, о которых потом горько сожалел. Ежегодно в день кончины С. П. Боткина проходило совместное заседание Общества рус-

* Сергей Михайлович Лукьянов (1855—1935), окончивший одновременно с И. П. Павловым Военно-медицинскую академию, был известен в России не только как крупный ученый-патолог, но и как философ, историк, литератор, общественный и государственный деятель. Он занимал пост товарища министра народного просвещения, был членом Государственного Совета, а с 1909 по 1911 г. — обер-прокурором Святейшего Синода.

ских врачей и Хирургического общества. Начиналось оно с панихиды, которую служили в здании Пироговского музея, а затем с научным докладом, в котором отдавалась дань памяти великого клинициста, выступал кто-либо из членов одного из обществ.

В 1906 г. председателем Общества русских врачей избрали Павлова. Когда секретарь общества пришел к нему, чтобы согласовать кандидатуру докладчика на предстоящем заседании, разговор принял неожиданный характер.

Вот каким он запомнился Л. А. Орбели:

«Вдруг Иван Петрович в присутствии всех работников лаборатории говорит:

— Черт его знает, что это за манера завелась у нас ни с того ни с сего служить панихиду? Мы, ученые, собираемся почтить память ученого, а тут вдруг почему-то панихида. Я думаю надо изменить этот порядок.

Все молчат. Потом он говорит:

— Так что вот вы так и распорядитесь — никакой панихиды устраивать я не буду, с какой стати? Я приду на заседание Общества и должен буду нюхать запах ладана! Совершенно непонятно!»

На заседание как обычно приехали вдова С. П. Боткина, его сыновья — профессора-терапевты с женами, дочь с мужем. Память ученого почтили вставанием, и затем председательствующий объявил доклад.

«На следующий день приходит Иван Петрович в лабораторию, — вспоминал Орбели. — Только снял пальто... и сразу же говорит:

— Какого я дурака сваял вчера! Как я не подумал! Мне не хотелось нюхать ладан, а я не подумал о том, что чувствуют члены семьи. Ведь они же пришли не доклады наши слушать, они привыкли, что мы посвящаем заседание памяти Боткина, служим панихиду, они же верующие люди. Я не верующий, но должен же я все-таки считаться с верующими. Никогда себе этого не прощу! Я это понял, как только увидел выражение лиц вдовы и остальных членов семьи» [17].

Известен и другой случай, о котором Павлов не только сожалел, но и сделал из него серьезные выводы. Как-то к нему обратился однокашник с вопросом, что он думает о существовании Бога. Павлов привел самый сильный, по его мнению, аргумент против и был изумлен произведенным на спрашивавшего впечатлением. На следующий день тот не появился в лаборатории, а через несколько дней стало известно, что он покончил с собой. Павлов глубоко переживал случившееся и не мог простить себе,

что не учел душевного состояния коллеги, перенесшего перед этим душевную травму. Ученый принял решение никогда не разрушать чужую веру и предостерегал от этого других [18]. «Человек сам должен выбросить мысль о Боге. Будет ли он рационалистом или будет верующим — натура сама выбирает», — говорил он [19].

На разборах больных в психиатрической клинике Павлов не раз подчеркивал адаптивную функцию религиозной веры. Например, доктор Б. Н. Бирман, докладывая о состоянии больной, замечает, что она отличается большой религиозностью. Павлов поясняет сотрудникам: «Вера существует для того, чтобы дать возможность жить слабым... Это как бы инстинкт слабой природы» [20]. На другом заседании В. Н. Виноградов называет религиозность черточкой слабоумного характера. Павлов решительно возражает. Он считает вполне естественным, когда человек в горе ищет утешения в религии [20]. При разборе состояния другой больной вновь подчеркивает, что «от такой дрянной действительности... будешь мечтательной, будешь религиозной, потому что религия существует не для радостных, для веселых... а для таких она какая-то надобность, это выход известный» [20].

Факты, подобные приведенным, не привлекли внимания автора вышеупомянутой статьи, зато воспоминания старца Сампсона *, якобы являвшегося на протяжении нескольких лет духовником Павлова, являются для нее одним из главных доказательств религиозности ученого. Между тем эти воспоминания вызывают сомнение в их подлинности с первых же строк. Прежде всего утверждение о том, что Павлов искал абсолютной истины в православии, противоречит сути его научных поисков. Весьма сомнительна картина знакомства ученого с иеросхимонахом, которая явно рассчитана на то, чтобы подчеркнуть исключительность последнего — ведь именно к нему обращается Павлов с просьбой об исповеди. Настораживает и заявление Сампсона о том, что, став духовником ученого, он исповедовал его еженедельно и постоянно накладывал епитимии за мучительство под-

* Старец Сампсон (1878—1979), в миру Эдуард Эсперович Сиверс, сын офицера Генштаба графа Э. А. Сиверса. По желанию матери крещен в англиканской Высокой церкви, перешел в православие в 1918 г. В 1919 г. чудом уцелел при расстреле (был тяжело ранен); рукоположен в иеромонахи в 1925 г. В 1928 г. арестован и сослан на Соловки. С 1934 г. жил под надзором в Борисоглебске. В 1938 г. арестован повторно. В 1945 г. бежал из лагеря, был арестован и год пробыл в заключении. После освобождения неоднократно менял место жительства, умер в Москве. Воспоминания о нем не авторизованы.

опытных собак. Вряд ли эти встречи имели место в действительности. Известно, что Павлов жил по строгому распорядку: вставал, садился за стол, отправлялся на работу, принимал гостей, ложился спать по часам. После ухода из ВМА его рабочий график строился следующим образом: понедельник, среду и четверг он проводил в Физиологическом институте Академии наук, вторник и субботу — в лаборатории ИЭМа, а по пятницам отправлялся на машине в Колтуши на Биостанцию, созданную в 1926 г. [21]. Между тем именно пятница фигурирует в рассказе как постоянный день исповеди. Да и горести, которыми, по словам Сампсона, с ним делился Павлов, выглядят весьма неопределенно и мелковато. А ведь ученого в это время очень волновали вопросы свободы совести, свободы научной мысли и т. п.

Внимательное изучение жизнеописания старца Сампсона подтвердило наши подозрения. Оно составлено «его духовными чадами, которые окормлялись около него многие годы и сохранили его письма, магнитофонные записи бесед с ним, а также имеют личные воспоминания о старце» [22]. Рассказ о Павлове несомненно относится к последнему разряду, что и объясняет имеющиеся в нем несуразности. К примеру, слова: «Подхожу к Знаменской церкви, стоит старичок. Это, говорят, Павлов» [22] никак не могут принадлежать Сампсону, ибо он, судя по жизнеописанию, после гимназии поступил в Медицинскую академию (ВМА, другой просто не было. — *Т. Г.*) и, следовательно, должен был знать Павлова в лицо. На лекции знаменитого ученого стремились попасть даже первокурсники, хотя физиология изучалась на втором курсе. Сампсон в заключении работал врачом, значит, по крайней мере два курса он закончил. Неубедительны и разговоры об эпитимиях за мучительство собак. Бывший студент-медик в отличие от обывателя должен был понимать разницу между вивисекцией и хроническим экспериментом, в котором прооперированные животные принимали участие, если можно так сказать, с удовольствием*. Петербуржец Сампсон не сказал бы: «Я приехал на послушание собирать дань в город, там, где он был старостой церковным» — ведь он был казначеем Александро-Невской лавры, находившейся в четверти часа ходьбы от

* Напомним надпись на одном из барельефов установленного в парке Института экспериментальной медицины памятника Собаке: «Пусть собака, помощник и друг человека с доисторических времен, принесется в жертву науке, но наше достоинство обязывает нас, чтобы это происходило непременно и всегда без ненужного мучительства. И. П. Павлов».

Знаменской церкви. Далее. Мог ли Павлов, живший своими научными интересами, совмещать их с исполнением обязанностей церковного старосты, которые включают множество организационных и хозяйственных дел? Разумеется, нет. Н. И. Моисеева и как ученый, и как христианка, знакомая с жизнью церковного прихода, понимала, что это невозможно, но не сочла нужным прокомментировать. А вот считаться *почетным* старостой Павлов мог и для этого ему вовсе необязательно было состоять «усердным прихожанином». В такую форму прихожане и причт могли облечь свою благодарность заступнику, отстаивавшему храм перед властями.

Знаменательно, что Н. И. Моисеева, проработавшая в ИЭМе около 30 лет, причем последние годы именно в отделе физиологии им. И. П. Павлова, своей судьбой подтвердила убежденность великого ученого в том, что религия есть форма адаптации человека к окружающей действительности. Наталья Ивановна глубоко переживала, когда ей, увы, не по своей воле пришлось оставить институт. Для нее работа являлась смыслом жизни, а не средством зарабатывать деньги.

Предоставленную возможность продолжить свои исследования после ухода из ИЭМа, быть востребованной она со временем стала расценивать как дар Божий, тем более что люди, оказавшие ей поддержку в трудное время, активно исповедовали православие. Отсюда ее стремление убедить прежде всего самое себя в религиозности Павлова, определившее не свойственную ей тенденциозность в трактовке фактического материала. Эта «заданность» проявилась и в попытке выдать четкую формулировку Павлова («Я сознательный атеист-рационалист») за вынужденную предосторожность, позволяющую выступить против гонений на религию и «быть услышанным» без опасений за собственную судьбу, и в комментариях письма к Эрнсту Тертлю, и, что самое печальное, в отрицании принципиальной возможности с уважением относиться к взглядам, отличающимся от собственных, а тем более бороться за право на *свободу мнений для всех*. Павлов был одним из немногих, если не единственным, кто дерзнул на это, в то время как мучеников за христианскую идею история знает немало.

Как ученый Павлов не допускал мирного сосуществования материализма и идеализма в представлениях о природе человека и выносил религию в сферу нравственности. Гонение на религию он считал таким же варварством, как насильственное внедрение в науку диалектического материализма. Так может быть,

стоит поставить точку в затянувшемся споре: верил или не верил он в Бога?

Для всех членов научного сообщества независимо от их отношения к вопросам веры лучшим способом доказать свое отношение к Павлову, Ученому и Человеку, будет собственное высоко нравственное поведение в условиях охватившего ныне Россию тяжелого духовного и экономического кризиса. Ни отсутствие финансирования, ни политические пристрастия не оправдывают аморального поведения некоторых ученых. Будем всегда помнить, что великий русский ученый Иван Павлов в первые годы советской власти работал в гораздо более тяжелых условиях, но сумел сохранить достоинство и заставить правительство уважать науку, которую он представлял.

Литература

1. Павлова Е. С. Воспоминания об И. П. Павлове // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967. С. 79—80.
2. Орбели Л. А. Воспоминания. М.; Л., 1966. С. 78—79.
3. Володин Б. Мифы и документы // Человек науки. М., 1974. С. 128.
4. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, хирурга и архиепископа. Париж, 1979.
5. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание» (автобиография). М., 1995.
6. Архив РАН. Ф. 259. Оп. 1а.
7. Самойлов В. О., Мозжухин А. С. Павлов в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. Л., 1989.
8. Самойлов В. О., Виноградов Ю. А. Иван Павлов и Николай Бухарин (от конфликта к дружбе) // Звезда. 1989. № 10. С. 94—120.
9. Павлов И. П. «Не один же я так думаю...» / Публ. Самойлова В. О., Виноградова Ю. А. // Своевременные мысли, или Пророки в своем отечестве. Л., 1989. С. 92—102.
10. Болондинский В. К. И. П. Павлов о религии // Журн. высш. нервн. деятельности. 1995. Т. 45. Вып. 1. С. 1062—1067.
11. Наука и религия. 1990. № 4. С. 19.
12. Редакционная врезка к статье: Грекова Т. И. Странная карьера // Там же. С. 8.
13. Письмо Т. И. Грековой главному редактору журнала «Наука и религия» В. Ф. Правоторову и ответ на него (личный архив автора).
14. Моисеева Н. И. Отношение к религии Ивана Петровича Павлова // Вестник психотерапии. 1998. № 5 (10). С. 125—138.
15. Письма Павлова к невесте // Москва. 1959. № 10. С. 155—181.
16. Павлова С. В. Отношение Ивана Петровича Павлова к религии // Арх. РАН. Ф. 259. Оп. 1. Д. 170. Л. 258, 259.
17. Орбели Л. А. Воспоминания. С. 77—78.

18. *Болондинский В. К.* И. П. Павлов о религии.
19. Павловские клинические среды. Стенограмма заседаний в нервной и психиатрической клиниках. М.; Л. 1957. Т. 3. С. 360.
20. Там же. С. 215.
21. *Болондинский В. К.* И. П. Павлов в Колтушах. СПб., 1997.
22. Жизнеописание старца иеросхимонаха Сампсона. М., 1995. Т. 1; Письма старца иеросхимонаха Сампсона. Т. 3. Ч. 2. С. 316—319.

